

Тан Чжао, погружённая в свои мысли, невольно взглянула на Чжэн Юаня, услышав его слова. Неудивительно, что она так отреагировала: их отношения никогда не были особенно тёплыми, и они редко сидели за одним столом. Как он мог запомнить её предпочтения? Эта мысль была слишком сложной для размышлений, и Тан Чжао предпочла сделать вид, что ничего не заметила, набрала себе еды и ушла.

В столовой было полно народу, так как наступило время обеда. Свободные места, конечно, были, но вокруг сидели незнакомые люди, и Тан Чжао не хотела к ним присоединяться. Самым просторным местом оказался стол Сун Чжэня.

Решив, что всё равно нужно его навестить, она, недолго думая, направилась к его столу.

Сун Чжэнь уже съел половину своей еды, соблюдая все правила этикета. Несмотря на то что он был самым младшим в академии и выглядел несколько одиноко, он не чувствовал себя несчастным. Зачем? Он пришёл сюда учиться, и это было его главной целью. Ему не нужно было обращать внимание на окружающих.

Однако, когда перед его столом появился кто-то ещё, он невольно поднял глаза и замер. Незнакомый юноша, которого он никогда раньше не видел, обладал настолько прекрасной внешностью, что её невозможно было забыть. Его черты были настолько изысканны, что нельзя было определить, мальчик это или девочка.

Пока малыш смотрел на неё, Тан Чжао тоже внимательно его разглядывала, и её сердце тоже не было спокойно.

В тот день она лишь мельком увидела его со спины, а о его личности узнала только со слов Чжэн Юаня. Хотя она много думала об этом, в глубине души она не могла поверить, пока не увидела его лицо вблизи. Теперь её сердце бурлило от эмоций.

Мальчик был красив, с яркими губами и белоснежной кожей, что говорило о том, что в будущем он станет привлекательным юношей, который покорит сердца знатных девушек. Но это было не главное. Главное было в том, что его черты лица напоминали Минду на целых пятьдесят процентов!

Тан Чжао не могла ошибиться. Она выросла вместе с Миндой и прекрасно помнила, как та выглядела в детстве. Глядя на Сун Чжэня, она видела сходство, которое, возможно, усиливалось из-за одежды. Если бы он был одет в детские наряды Минды, сходство могло бы достичь семидесяти процентов. Такое сходство могло означать только одно — он был её сыном!

В этот момент сердце Тан Чжао сжалось, и она почувствовала головокружение, как и несколько дней назад.

Её зрение помутнело, в груди будто что-то застряло, и она едва устояла на ногах, опираясь на стол.

Сун Чжэнь, наблюдавший за ней, испугался и подбежал, чтобы поддержать её:

— Брат, с вами всё в порядке?

Его голос был мягким и заботливым. Тан Чжао, услышав его, почувствовала ещё большее смятение. Она хотела оттолкнуть его, но, глядя на его лицо, напоминающее Минду, не смогла этого сделать. С трудом освободившись от его поддержки, она прошептала:

— Я в порядке, спасибо за заботу.

Сун Чжэнь, несмотря на свой юный возраст, был хорошо воспитан и понимал, что Тан Чжао явно не в порядке. Он хотел предложить ей сходить в аптеку, но она, не сказав ни слова, развернулась и ушла.

Оглядываясь на нетронутую еду и удаляющуюся фигуру, маленький Сун Чжэнь только пожал плечами:

— Какой странный человек.

Вернувшись в свою комнату, Тан Чжао чувствовала себя совершенно опустошённой.

Она не понимала, почему её это так волновало. Когда-то она сама была виновата перед Миндой, и, отдав свою жизнь, считала, что всё кончено. Она больше не хотела связываться с прошлым. Так какое ей дело до Минды и Сун Чжэня?

Она пыталась убедить себя быть рациональной, но внутри неё кричал другой голос: «Как это может быть неважно? Она задолжала Минде её искреннее сердце! Если бы Минда не была так предана ей, если бы она ещё до её смерти зачала ребёнка от другого, то что тогда значили её раскаяние, её жертва и её смерть?»

Эта мысль вызвала такую бурю эмоций, что Тан Чжао почувствовала, как в груди закипает кровь, и она чуть не задохнулась.

На послеобеденные занятия она не пошла. Внутри она была измучена, но внешне сохраняла обычную холодность, попросив одноклассника передать её извинения учителю. Увидев её бледное лицо, одноклассник согласился.

Весь день она провела в комнате, погружённая в свои мысли. В голове мелькали различные идеи, как в калейдоскопе, и к концу она сама уже не понимала, о чём думала.

Возможно, это была просто печаль, негодование и воспоминания о Минде.

К вечеру в общежитии снова стало шумно — ученики вернулись с занятий.

Чжэн Юань принёс ей ужин, и, как всегда, блюда соответствовали её вкусам, но его забота была скорее бесцеремонной. Он просто был внимательным человеком и, восхищаясь её красотой, запомнил её предпочтения. Больше ничего.

В этот момент Тан Чжао не была в настроении для разговоров, поэтому, поблагодарив, она попросила его уйти.

Чжэн Юань, несмотря на то что его выпроводили, не обиделся и, держась за дверной косяк, посоветовал:

— Брат Тан, ты выглядишь совсем нездоровым. Если ты не поправишься, лучше вернись домой на несколько дней. В таком состоянии тебе здесь делать нечего, а через три дня Учитель Цзэн начнёт требовать от тебя переписывание текстов, и это нельзя будет откладывать.

Затем он добавил:

— Может, я помогу тебе переписать?

Тан Чжао осталась непреклонной и выпроводила его, закрыв дверь со словами:

— Спасибо за заботу, но я справлюсь сама.

Ужин, принесённый Чжэн Юанем, она даже не притронулась. Вместо этого она решила успокоить свои мысли, занявшись каллиграфией.

Её почерк отличался от почерка Сун Тина: если её письмо было аккуратным и сдержанным, то его — острым и решительным.

Преподаватели Академии Красного Клёна не были легкомысленными, и Тан Чжао, чтобы оставаться незамеченной, должна была подражать прошлому. Однако сейчас, взяв кисть, она писала с такой решительностью, что каждая линия казалась готовой прорвать бумагу.

Переписав весь текст «Луньюй», она поняла, что ночь уже глубока, но её сердце всё ещё не успокоилось.

С каждым движением кисти её рука становилась тяжелее, а линии — всё более резкими. Когда последний штрих разорвал бумагу, она бросила кисть — её сердце было в смятении, и каллиграфия не помогла. Ей нужно было встретиться с тем, кто вызвал это смятение.

Тан Чжао (с каменным лицом): «Это не вопрос измены. Я просто чувствую, что моя прошлая жизнь была шуткой».

Приняв решение, Тан Чжао постепенно успокоилась. В последующие дни она вернулась к нормальной жизни, привыкая к учёбе в Академии Красного Клёна и находя время, чтобы переписать десять копий «Луньей».

Но даже закончив переписывание, она всё ещё не знала, как встретиться с Миндой.

<http://bllate.org/book/15453/1370932>